

Наталья Перевезенцева

ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ

о жизни старых районов

ПЕТЕРБУРГА

— ∞ —
Колодцы времени

Всё о Санкт-Петербурге

Наталия Перевезенцева

**Правдивые истории о
жизни старых районов
Петербурга. Колодцы времени**

«Центрполиграф»

2026

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

Перевезенцева Н. А.

Правдивые истории о жизни старых районов Петербурга.
Колодцы времени / Н. А. Перевезенцева — «Центрполиграф»,
2026 — (Всё о Санкт-Петербурге)

ISBN 978-5-227-11287-3

Более чем трёхсотлетняя история Петербурга полна разгаданных и неразгаданных тайн, предчувствий, предзнаменований, вещих снов и пророчеств. Всё это не могло не остаться, тайно или явно, запечатлённым в самом облике города — в его улицах, домах, площадях. Это своеобразные «колодцы времени», заглянув в которые мы увидим не только своё отражение, но и людей, когда-то живших здесь, и те знаковые события, которые, может быть, управляют нами и сейчас. Некоторые из них обросли легендами, превратились в мифы, стали называться «петербургскими тайнами». Новая книга петербургской писательницы Наталии Перевезенцевой даёт читателю возможность просто пройтись по городу и вспомнить не только историю некоторых мест Петербурга, но и давно ушедших людей, судьбы которых до сих пор почему-то волнуют нас, заставляют задуматься о собственной жизни. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-227-11287-3

© Перевезенцева Н. А., 2026
© Центрполиграф, 2026

Содержание

Предисловие	7
Колодцы времени	8
«Особый город в городе...»	8
Дом на границе	10
«Что за праздник, коли не было ёлки...»	14
«Город-сад»	17
«Апраксин – биржа мелочная...»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Наталия Перевезенцева
Правдивые истории о жизни
старых районов Петербурга
Колодцы времени

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Всё о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

Иллюстрации предоставлены автором

© Перевезенцева Н. А., 2026

© «Центрполиграф», 2026

* * *

Колодцы времени

Нет города более таинственного, чем Петербург. История города полна мистики, предчувствий и пророчеств.

Они запечатлелись в облике города – в его домах и площадях. Это своеобразные «колодцы времени», заглянув в которые мы увидим не только своё отражение, но и людей, живших здесь, и те знаковые события, которые, может быть, управляют нами и сейчас...

Предисловие

Давно подмечено, что нет города более загадочного, теснее связанного с тайнами и мистикой, чем Петербург. Удивительно само его возникновение – на месте стёртого с лица земли шведского города Ниеншанца, который, в свою очередь, возник на руинах крепости Ландскроны. Только с третьей попытки появился на берегах Невы наш город. Так начал создаваться «петербургский миф» о городе-призраке. Более чем трехсотлетняя история Петербурга полна разгаданных и неразгаданных тайн, предчувствий, предзнаменований, вещих снов и пророчеств.

Но наряду с этим шла и обычная городская жизнь. Строились дворцы и дома, одевались в гранит невидимые берега, рождались и умирали жители новой столицы. Всё это не могло не остаться, тайно или явно, запечатленным в самом облике города – в его улицах, домах, площадях. Это своеобразные «колодцы времени», заглянув в которые, мы увидим не только своё отражение, но и людей, когда-то живших здесь, и те знаковые события, которые, может быть, управляют нами и сейчас. В наш рациональный век они отступили, ушли в тень, опустились на дно «колодцев времени». Некоторые из них обросли легендами, превратились в мифы, стали называться тайнами Петербурга.

Предлагаю просто пройтись по городу, не придерживаясь какого-то определенного маршрута, а почти мгновенно (пользуясь «подземными переходами») переносясь, скажем, с Васильевского острова к Апраксину двору, или с Невского проспекта на Выборгскую сторону. И вспомнить не только историю некоторых мест Петербурга, но и давно ушедших людей, судьбы которых до сих пор почему-то волнуют нас, заставляют задуматься о собственной жизни.

Может быть, подобная связь и является одной из главных мистических составляющих «петербургского мифа»?..

Колодцы времени

«Особый город в городе...»

Остров Васильевской, величеством пространный, красотою нарочитой <...> строением каменных полат довольно изнастроенный, а деревянным строением преизобильно населенный, и все оно строение, имеющееся на нем, преизрядной архитектуре.

А. И. Богданов. Описание Санктпетербурга

Первый взгляд бросим на золотой полукруг Стрелки, отсечённый от остального острова Кадетской и Первой линиями. «Золотой» в переносном смысле – принадлежащий «золотому веку» Петербурга. Строжайший высотный регламент, проекты наиболее видных общественных (и даже частных) зданий утверждались лично государем императором. Что-то было в этом повальном администрировании – может быть, потому и приобрел город «строгий стройный вид»?

«...Часть Васильевского острова, образуемая набережными Невы и Невки и отрезанная 1-ой линией – вот область <...> наиболее богатая и интересная» – эти слова принадлежат Г. К. Лукомскому, исследователю и страстному защитнику петербургской старины.

Стрелка Васильевского острова – место, для жилья не предназначенное. Недаром, первым «строением» в петровские времена здесь была батарея (на месте Биржи), защищавшая фарватер, проходящий близко от берега. Именно её командиру Василию Корчмину слал Петр приказы, адресуя их «Василию на остров». Отсюда – одна из версий возникновения названия «Васильевский». Но это всего лишь легенда – остров прозывался Васильевским ещё в новгородских писцовых книгах. И другая версия: об идиллической парочке, рыбаке Василии и его верной супруге Василисе, – тоже документального подтверждения не находит.

Ростральная колонна на Стрелке

Стрелка застраивалась по плану. Конечно, стихийно возникали и исчезали здесь небольшие частные домики с огородами, а вдоль Малой Невы выстраивались дома вельмож – Строганова, Апраксина, Демидова, но постепенно их либо занимали, либо сносили или перестраивали «под себя» казенные учреждения, и прежде всего те, что относились к торговому порту. В 1816 г. по проекту Тома де Томона было построено великолепное здание Биржи. Тогда же появились полукруглая площадь, мощные пандусы (где так любят распивать шампанское и бить бокалы молодожены), ростральные колонны-маяки – всё это преобразило Стрелку. А когда после страшного наводнения 1824 г. архитектор Таможенного управления И. Ф. Лукини строит по сторонам Биржи одинаковые здания пакгаузов и, в *pendant* зданию Кунсткамеры – новое здание Таможни, возникает один из лучших архитектурных ансамблей Петербурга.

Здание Биржи

Торговый порт, перенесённый сюда от стен Петропавловки, – сердце нового города, средоточие бурной торговой жизни. До 1835 года, пока не появился новый порт на Гутуевском острове, Стрелка остаётся первой петербургской «пятью земли», куда ступает нога иностранного путешественника – голландского купца, испанского дипломата, француза-гувернёра, скупящего английского лорда или крепкой прибалтийской девицы, решившей заработать себе на приданое в столице старым, как мир, способом.

Странно: первое здание, которое поднялось на Стрелке, не имело никакого отношения к торговле. Кунсткамера. Первый русский музей. Жутковатый набор редкостей – от коллекции уродов Рюйша до гигантского глобуса, от живых мальчиков со сросшимися пальцами на ногах до мертвой трехлетней девочки, сохранявшейся в течение 30–40 лет, «как живая». Когда Петр впервые увидел её, он настолько расчувствовался, что даже поцеловал «спящую красавицу», а затем присовокупил ребёнка к музейной коллекции. Для музея царь Петр, как говорится, не жалел ничего. Даже голову своей любовницы Марии Гамильтон, казнённой за детоубийство (не царского ли сына?), велел заспиртовать и отправить в Кунсткамеру. И только при Екатерине II несчастный экспонат был предан земле.

Жилые дома постепенно отступают от Стрелки. Оборону держит Биржевая линия (дом купца Бирюкова, особняк и контора Елисеевых). Перед ними – нежилые пространства площадей, громадное здание (арх. М. М. Перетяткович, 1914–1915 гг.) бывшего Министерства торговли и промышленности (ныне – Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева), Библиотека Академии наук, Пушкинский Дом, Зоологический музей, Академия наук. Продуктовый магазинчик, форпост торговли на краю пустыни, до недавнего времени ютился на той же Биржевой, не переступая «красной линии». Но не выдержал, сдался.

А угол набережной Макарова и Биржевой линии надёжно прикрыт огромным четырёхэтажным домом в форме неправильного четырехугольника.

Дом на границе

Он громаден. Он занимает целый квартал. С одной стороны он числится по Биржевому пер., 1, с другой – по Волховскому пер., 2, есть и третий адрес: наб. Макарова, 10. Целых три

адреса – наверно, так и подобает первому жилому дому, который встретится нам после того, как мы распрощаемся с великолепным ансамблем Стрелки.

Итак, река – Малая Нева, набережная – бывшая Тучкова. Совсем близко – Тучков мост. Названием своим и мост, и набережная обязаны купцу Аврааму Тучкову, на средства которого мост и был построен. Набережная Малой Невы от Стрелки до реки Смоленки никогда не была парадной, служила местом выгрузки и хранения товаров. Да и в гранит набережная оделась только в начале 60-х годов XX века. До этого её откос был замощён булыжником. Вот и Тучков переулок почти единственный в нашем городе сохранил булыжную мостовую. Недаром там часто снимают фильмы из «старинной жизни».

Наш дом № 10 сначала был обычным домом XVIII века, вытянутым вдоль набережной. Нынешние очертания он приобрел в 1841–1842 годах, когда архитектор Александр Пель на месте старых строений возвёл громадное трёхэтажное здание с замкнутым двором. В доме сдавались квартиры, их снимали разные, в том числе и весьма интересные, люди. Так, в 1848 году здесь некоторое время жила семья Ильи Чайковского. Для его сына, восьмилетнего Петра, это первый петербургский адрес.

Дом переходил из рук в руки, как и все петербургские доходные дома. И вот в 1860-е годы его владельцем стал один из братьев Елисеевых, Григорий. В 1870-х годах дом перестроил архитектор Людвиг Шперер, надстроив его до четырёх этажей. Внизу, в первом этаже, располагался магазин Елисеевых, выше – квартиры. Видимо, дом неслучайно купили Елисеевы – ведь здесь, на Васильевском, находилось, можно сказать, их родовое гнездо. По соседству, на Биржевой – дом, где располагались квартира и контора Елисеевых. До недавнего времени над входом можно было видеть их герб. После передачи этого и соседних зданий Оптического институту здесь были квартиры сотрудников, в частности жили тут известные физики Р. И. Рождественский и С. И. Вавилов, имя которого носит институт. А по Биржевому переулку, напротив нашего дома, тянутся мощные здания портовых складов XVIII века с открытой аркадой первого этажа наподобие здания Гостиного двора. Здесь до самой революции размещались знаменитые елисеевские винные подвалы, причем для каждого сорта вина предназначался отдельный погреб.

Сейчас здания портовых складов перестроены в небедный отель, и этот уголок Старого Петербурга, как и многие другие, увы, потерял свое своеобразие.

Итак, наш дом № 10 по Тучковой набережной принадлежал до 1918 года Елисеевым. Но как-то так случилось, что с самого начала стали в нем селиться художники. Возможно, их привлекал великолепный вид на Петропавловку, светлые помещения, которые можно было использовать под мастерские. Во всяком случае, в доме успели пожить и живописец М. Клодт, и старший товарищ передвижников Г. Мясоедов, и Е. Волков, и Н. Бруни. Какое-то время здесь снимали квартиры И. Крамской и И. Шишкин. Но вот в 1887 году известный архитектор Гавриил Барановский надстраивает дом, и наверху появляется великолепная мастерская с огромным окном, выходящим на Петропавловку. С 1898-го по 1910 год её снимает Архип Иванович Куинджи. Здесь же находится его квартира.

Архип Иванович был удивительным человеком. Он родился в Мариуполе, его семья имела греческие корни, сначала фамилия звучала «Еменджи». Вариант «Куинджи» появился только в 1857 году и означал по-татарски «золотых дел мастер». Это была профессия деда Архипа Ивановича.

Никакого образования Куинджи фактически не получил. Однако он так любил рисовать, так стремился «выучиться на художника», что сумел преодолеть все препятствия, приехать в Петербург, стать вольнослушателем Академии художеств и, в конце концов, – знаменитым художником. Картины его поражали современников. Известно, что, когда он выставил «Лунную ночь на Днепре», посетители выставки просили разрешения заглянуть за холст – нет ли там подсветки. Кстати, Куинджи был первым, кто организовал «выставку одной картины». И

ведь на неё приходил смотреть «весь Петербург»! Люди в очереди стояли, чтобы посмотреть не на жанровую картину, не на портрет известной личности, а на пейзаж. Слухи сопровождали художника – говорили, якобы известный химик Менделеев (с которым Куинджи действительно дружил) подсказал ему рецепт каких-то удивительных светящихся красок. Увы: хотя Куинджи, как и всякий художник, экспериментировал с красками, светятся они не потому, что какие-то особенные, а потому, что «особенным» был глаз мастера.

В жизни Куинджи есть некая тайна. В расцвете сил, будучи знаменитым, богатым, всеми признанным, он вдруг перестал выставлять свои картины и даже очень долго никому не показывал их. Что это было, почему – можно только строить догадки.

Но работать Куинджи не переставал. И продолжал преподавать. По воспоминаниям современников, Куинджи был замечательным педагогом. Часто случается, что мастер навязывает молодым своё видение мира, свой стиль, и ученики превращаются в маленькие копии учителя, эпигонствуют. Так бывает и в литературе, и в изобразительном искусстве. А вот Куинджи сумел воспитать разных художников, не подавить их индивидуальность, а наоборот – выявить её.

Архип Иванович был не только замечательным педагогом, но ещё и удивительно добрым человеком. Сколько он помогал своим ученикам, и не только своим. Он за свой счет возил их в Европу, где они осматривали музеи и художественные выставки. На его пожертвования в Академии были организованы Весенние выставки, где наиболее талантливые живописцы могли получить поощрительные премии.

Сейчас в мастерской и квартире Куинджи – музей. Я провела опрос моих знакомых, людей интеллигентных, и выяснила, что никто из них в этом музее никогда не бывал. К своему стыду, я тоже попала в него совсем недавно. Может быть, кого-то музей разочарует – не так много мемориальных вещей, работ Куинджи практически нет. Но почему тогда возникает ощущение подлинности пространства, так притягивает громадное окно, выходящее на Малую Неву? Мистика или нет, – но пребывание в этих стенах человека незаурядного, большого таланта, не могло пройти бесследно. И стены мастерской запомнили это и пытаются передать нам...

Но не только художниками славен дом 10 по набережной Макарова. Здесь, в квартире Михаила Лозинского, когда-то находилось издательство «Гиперборей».

*По пятницам в «Гиперборее»
Расцвет литературных роз.*

Журнал под этим названием выходил с октября 1912-го по декабрь 1913 года. В его издании принимали активное участие Николай Гумилёв и Сергей Городецкий. А кабинет Лозинского видел и Анну Ахматову, и Осипа Мандельштама, и Георгия Иванова и многих других поэтов «серебряного века». Кстати, Гумилёв и Ахматова жили неподалёку, на углу Среднего проспекта и Тучковой набережной. Они шутливо называли своё жилище «тучкой».

Михаил Лозинский, блистательнейший переводчик, был ещё и обаятельным, тактичным и глубоко порядочным человеком. Гумилёв говорил, что, если бы пришлось показывать жителям Марса образец жителя Земли, выбрали бы Лозинского – лучшего не нашли бы.

Здесь, в квартире Лозинского, был подготовлен к изданию второй сборник Ахматовой – «Чётки», принесший ей настоящую славу. И ещё надо добавить, что собиравшиеся у Лозинского были очень молоды. Гумилеву в 1914 году было 28 лет, Ахматовой – 25, Мандельштаму – 23. Не обходилось без шуток, розыгрышей. Так, направляясь в «Гиперборей», Мандельштам, задыхаясь от смеха, повторял:

Не унывай,

*Садись в трамвай,
Такой пустой,
Такой восьмой.*

А на одном из заседаний авторы только что вышедших книг должны были сидеть в лавровых венках...

Старинный дом на Тучковой набережной хранит память о замечательном художнике Архипе Ивановиче Куинджи, о поэтах и писателях «серебряного века»... и в то же время остается жилым домом.

* * *

Прощаясь со Стрелкой, опять вспомним известного ревнителя петербургской старины. Вот что он пишет:

«Наиболее цельный и самый старинный квартал сохранился, кажется, у Тучкова переулка на Васильевском. Здесь по Волховскому переулку тянутся низенькие плоские построчки едва ли не Петровского времени (такие же низенькие, но не столь старинные постройки тянутся по Иностранному переулку). Здесь же неподалёку, на углу Тучковой набережной и Тучкова переулка находятся и старинные, теперь заколоченные флигеля, амбары, вообще залы церковных построек и служебные флигеля домов 29 и 31 по Кадетской линии. <...> Прекрасные дома на углу Среднего проспекта и набережной, старинные амбары, отлично обработанные дворы и особняк на Биржевом переулке – как всё это вместе (особенно с бывшим старым Гостиным двором) типично, цельно! Какой прекрасный угол старины сохраняется здесь... Ещё и теперь любитель старины не пожалеет о потерянном времени, если заглянет сюда»¹.

Боюсь, что любителю старины, ныне заглянувшему в Биржевой переулок, придется пожалеть о своей опрометчивости. За елисеевскими складами возведен элитный жилой комплекс «У Ростральных колонн». Оценку этому архитектурному монстру и его уместности в «цельном и самом старинном квартале» я давать воздержусь. Боюсь, что эмоции перехлестнут через край...

А теперь вспомним, что мы рассматриваем остров с высоты. Перелетев Кадетскую и Первую линию, сделаем несколько кругов над квадратами жилых кварталов – центральной частью Васильевского. И тут самое время вспомнить о знаменитых каналах-линиях, о грандиозных, но не сбывшихся планах превращения одного отдельно взятого острова то ли в блистательную Венецию, то ли в уютный Амстердам.

Иногда строительство каналов на Васильевском рассматривают как «царскую блажь» – захотелось, мол, Петру построить город нового типа, сказал «небывалое бывает», а против природы не поспоришь, – вот и не вышло ничего из «Нового Амстердама». Но мне кажется, что, при всей грандиозности своих планов, Петр всегда твёрдо стоял на земле, даже когда приказывал рыть каналы. Недаром он, хоть и одобрил план Ж.-Б. Леблона, создавшего в 1717 году модель «идеального города», но внес в него свои коррективы. Утверждённый проект 1718 года вполне разумен: главная площадь с правительственными учреждениями на юго-востоке (на Стрелке), вокруг – комплекс административных, торговых и научных учреждений. Сетка каналов – не для красоты, а для вполне конкретных целей: транспортная сеть, осушение местности, водоснабжение, борьба с пожарами, наконец. Раз главные фасады домов выходят к воде, то план предусматривает удобные внутриквартальные проезды (они даже сохранились, только теперь это узенькие переулки, вроде Академического). И, кстати, разлиновка местности ока-

¹ Лукомский Г. К. Старый Петербург. Пг., 1917.

залась очень удобной: в отличие от других частей города, на Васильевском легко ориентироваться.

Наверное, всё дело в том, что планы Петра воплощали в жизнь совсем другие люди, уже после его смерти. И каналы прошли не там, где предполагалось, а кое-где вообще не были прорыты. К тому же, перестав чувствовать угрозу петровской дубинки, радостно бежали из проклятого города многие его жители, в том числе и самые именитые. Ну, а при малолетнем императоре Петре II двор вообще переехал в Москву, и Петербург пришёл в запустение. Тут уж было не до каналов.

Васильевский остров после Петра, то есть после того, как перестал считаться центром, – место провинциальное, идиллическое, со своим укладом. Еще в середине XIX века И. И. Панаев описывает его как «особый город в городе, не похожий на весь остальной Петербург. Он весь в зелени, в садах и бульварах, как Москва...»². непохожестью на остальной Петербург остров во многом был обязан своим жителям – ученым Академии наук, студентам Академии художеств, профессорам и студентам Университета. И ещё – петербургским немцам. Почему-то они выбрали для житья именно Васильевский. Их своеобразные обычаи, быт описывали многие русские писатели, иногда, правда, подсмеиваясь над «немецкой ограниченностью» или над незатейливой песенкой шарманщика, так забавно коверкавшего русские слова:

*Танцен дами, стид откинов,
Кавалерен без затей,
Схватит девишка, обнимет
И давай вертеться с ней.*

Конечно, когда в одной из пьес А. П. Сумарокова героиня заявляла: «Я не какая-нибудь посадская баба, чтобы мужа любить», василеостровская немка – добродетельная фрау, мать семейства, верная любящая жена – вызывала усмешку щёголей XVIII века. Но постепенно нравы менялись, и писатели века XIX-го уже с симпатией живописали быт василеостровцев, уважая их жизненные ценности и, может быть, где-то завидуя им. «Иоганн Христиан Норк был по ремеслу токарь, а по происхождению петербургский немец. Он был человек пунктуально верный, неутомимо трудолюбивый и безукоризненно честный»³.

А еще петербургским (в том числе – василеостровским) немцам мы обязаны тем, что в России появилась рождественская ёлка.

«Что за праздник, коли не было ёлки...»

Рождественская ёлка пришла в Россию довольно поздно. Сначала она была новогодней. Как и многое у нас, её появление связано с именем Петра Первого. В конце 1700 года в тогдашней столице – Москве – обнародовали царский указ: летосчисление вести от Рождества Христова, а Новый год праздновать по-европейски – 1 января. Велено было в честь праздника жечь костры, пускать фейерверки, а дома украшать хвойными и можжевеловыми ветвями. Обычай эти царь подсмотрел во время своего путешествия по Европе. После смерти Петра про ёлку забыли, – только владельцы трактиров сохранили обычай украшать свои заведения ёлками. Причём не снимали их круглый год; вроде бы, от этого и пошло выражение «ёлки-палки».

Первыми в Петербурге (а значит, и во всей России) ставить и украшать ёлки к Рождеству стали петербургские немцы. Еще в 1820-е годы Александр Бестужев-Марлинский в повести «Испытание» описывает обычай ставить ёлку как довольно экзотический: «У немцев, состав-

² Панаев И. И. Галерная гавань. Спб., 1888.

³ Лесков Н. С. Островитяне // Собр. соч.: в 12. Т. 3. М., 1989.

ляющих едва ли не треть петербургского населения, канун Рождества – есть детский праздник. На столе в углу залы возвышается деревцо...». Постепенно ёлка становилась всё более и более популярной, в 30–40-е годы XIX века её уже наряжали во многих знатных домах. И конечно, «первая среди первых» – царская семья – поддерживала новый для России обычай, тем более что русские императрицы Мария Фёдоровна и Александра Фёдоровна – немецкие принцессы, и рождественская ёлка оставалась для них одним из светлых воспоминаний детства.

Рождество было не только семейным, но в какой-то степени и государственным торжеством. К Рождеству давали награды, повышали в чине, проводили всякого рода официальные церемонии. Тот же Бестужев-Марлинский, описывая предпраздничную суету на улицах Петербурга, отмечает: «Гвардейские офицеры скачут покупать новомодные эполеты... Фрачные... покупают галстухи, модные кольца, часовые цепочки и духи... У дам свои заботы, и заботы важнейшие...». Для дипломатического корпуса в Зимнем дворце устраивался торжественный приём, а по городу шли балы и маскарады...

Первая петербургская публичная ёлка зажглась в 1852 году в Екатерингофском вокзале (напомним, что вокзалом – или «воксалом» – называли тогда не столько место, откуда отправлялись поезда, сколько увеселительное заведение, как правило, соединявшее в себе ресторан и зал для музыкальных вечеров или театральных спектаклей). Уже в начале 1840-х годов Иван Панаев замечает: «В Петербурге помешаны на ёлках. Что за праздник, коли не было ёлки?».

Домашние праздники проходили, как правило, по сценарию, великолепно описанному Александром Куприным в рассказе «Тапёр». Действие происходит в Москве, но, честное слово, разница невелика, только вид из окна другой. «Под громкие звуки марша из „Фауста“ были поспешно зажжены свечи на ёлке. Затем Аркадий Николаевич... распахнул настежь двери столовой, где толпа детишек, ошеломлённых внезапным ярким светом и ворвавшейся к ним музыкой, точно окаменела в наивно изумлённых, забавных позах... Но через несколько минут, когда подарки были уже розданы, зала наполнилась невообразимым гамом, писком и счастливым звонким детским хохотом. Дети точно опьянели от блеска ёлочных огней, от смолистого аромата, от громкой музыки и от великолепных подарков».

Не во всех семьях, конечно, Рождество праздновалось так пышно, но везде, где были дети, родители старались нарядить ёлочку, положить под неё нехитрые подарки и приготовить особенно вкусный ужин. В закрытых учебных заведениях учащихся обычно отпускали домой на рождественские каникулы, а для сирот наряжались благотворительные ёлки, устраивались утренники. Ёлку украшали разными лакомствами: орехами в серебряной и золотой бумаге, конфетами, марципановыми фигурками. На ветках горели свечи, макушку дерева венчала Вифлеемская звезда.

И всеми этими радостями мы обязаны петербургским немцам.

* * *

Итак, три проспекта – Большой, Средний и Малый, чёткая сетка линий – и доходные 5-6-этажные дома, плотными стенами стоящие вдоль улиц. Редко-редко в разрывах между ними мелькнёт зелень, но уж если появится, то сразу напомнит о садиках XIX века, которые и придавали Васильевскому такой провинциальный вид. Собственно, налет провинциальности никогда не покидал Васильевский. Возьмем 1889 год, когда постоянный Благовещенский мост уже связал остров с материком. В справочнике «Для домовладельцев города С.-Петербурга» (интереснейшее, между прочим, чтение!) приведена «Расценочная ведомость земли для оценки имуществ, закладываемых С.-Петербургскому Городскому Кредитному Обществу». Ведомость дает представление о том, какие районы, улицы, переулки и набережные, а также их части были в цене, а какие считались задворками столицы.

Не будем брать самые дорогие и престижные районы: Большую Морскую, парадные кварталы Невского. Но всё же Васильевский – почти центр, а цены на землю здесь сравнимы с окрестностями дурно пахнувшего Лиговского канала. В цене (от 80 до 50 рублей за квадратную сажень) Большой проспект до 16-й линии, начало Среднего проспекта, Биржевая, Университетская, Кадетская линии. Примерно столько же стоят участки на 6-й и 7-й линиях от Невы до Большого проспекта. Дороже всего набережная Большой Невы от 4-й линии до Горного института и небольшой кусочек Тучковой набережной (близость к Бирже?). Малый проспект в самой населённой его части еле дотягивает до 25 рублей, а задворки – Косая линия, Голодаевский переулочек у кладбища да Уральский до чугуно-металлического завода – вообще оцениваются в 2–5 рублей. Для сравнения: Лиговский канал от Невского до Чубарова переулочка – 35 рублей, от Чубарова до Обводного канала – 20, за Расстанной (тогда писали – Разстанной) – 12. А чуть в сторону, ближе к Невскому, и цены сразу подскакивают. Только рабочие окраины Нарвской и Выборгской частей да забытая Богом глушь – Петербургская сторона (Троицкого моста нет и в помине) – дешевле нашего острова.

Университетская набережная

Впрочем, подобные окраины мы найдём и на Васильевском. Если восток острова – классические перспективы Стрелки, то юго-запад – это районы промышленных предприятий, окружённых домиками рабочего люда. Ещё в XVIII веке из центра города стали выводить вредные производства – кожевенное, красильное, белильное. И появились целые улицы, застроенные промышленными зданиями с редкими вкраплениями особняков владельцев или заводских контор. Иногда для удобства над улицей перекидывали крытые переходы – два таких «Моста Вздохов» (отзвук Венеции?) сохранились на Кожевенной линии. Кстати, район этот долгое время называли Чекушами. Происхождение названия – от больших молотков, которыми разбивали слипшуюся промокшую муку в мучных амбарах. Западная оконечность Васильевского острова первая принимала на себя удар наводнения, поэтому «чекуши» без работы не оставались. Рядом с Чекушами – уникальный район Галерной гавани, отделённый от основной части Васильевского громадным пустырьём Смоленского поля. Населяли Гавань матросы, шкипера, портовые служащие. Это был свой обособленный мирок – настоящий «медвежий угол» Васильевского. «Глядя на эти домишки и улицы, не веришь, что это частичка великолепного

Петербурга и что гранитная набережная Невы с её огромными зданиями только в трёх верстах отсюда»⁴.

Улица в Гавани

И ещё Панаев замечает на домах страшные ярлыки «*почти под крышами, с надписью 7 ноября 1824 года*». Наводнения наносили жителям острова страшный урон, влекли за собой человеческие жертвы. Недаром Пушкин селит бедную Парашу с матушкой где-то в этих местах.

*Увы! Близёхонько к волнам,
почти у самого залива —
забор некрашенный да ива
И ветхий домик...*

Мы уже никогда не узнаем точно, где жила пушкинская героиня – в Галерной ли гавани или ближе к устью Смоленки, – стихия свирепствовала во всех этих местах одинаково яростно. Но, несмотря на это, в начале XX века на острове Голодае (входившем в Василеостровскую часть), на северной оконечности Петербурга, стартовал фантастический проект.

«Город-сад»

Инженеры и капиталисты работали над проектом постройки новой, не виданной ещё роскоши столицы, неподалеку от Петербурга на необитаемом острове...
А. Толстой. Хождение по мукам

Голодай долгое время считался весьма мрачным местом. По преданию, где-то здесь были тайно зарыты тела пятерых декабристов. Говорят, Пушкин совершенно точно знал место

⁴ Панаев И.И. Галерная гавань.

могилы, и современные исследователи по его рисункам и заметкам пытаются определить, где же оно находится.

В 1925 году при мелиоративных работах обнаружили гроб с телом военного в мундире николаевского времени и почему-то решили, что место погребения декабристов найдено. Хотя кто бы стал хоронить государственных преступников в мундирах? Потом нашли ещё гробы, и стало ясно, что просто раскопали старое кладбище. Несмотря на это на Голодае все равно в 1926 году поставили обелиск в память столетия казни декабристов.

Но была в истории острова страница, вошедшая во все учебники истории архитектуры. Здесь на рубеже XIX–XX веков был заложен город-сад «Новый Петербург»⁵. История его строительства началась в 1898 году, когда кандидат коммерческих наук Г. Л. Шалит приобрел в собственность большой участок земли в западной части острова Голодай. В том же году было создано акционерное общество «Новый Петербург». Его цель – построить рядом с Петербургом город-спутник, состоящий более чем из 600 домов, предназначенных для самых разных классов населения. Здесь должны были быть и дома для рабочих, причём весьма комфортабельные, с отдельными квартирами, и дома для более состоятельных людей. Предполагалось, что «Новый Петербург» будет утопать в зелени, а с центром его свяжет «электрический трамвай», проезд на котором планировалось сделать для жителей района бесплатным.

К осени 1899 года должны были быть закончены уже 10 четырехэтажных домов и осушена довольно значительная территория. Но, увы, деятельность нового общества не вызвала особого доверия, акции его расходились плохо, да и опытом такого масштабного строительства никто из учредителей «Нового Петербурга» не обладал. За первый и единственный строительный сезон успели возвести только стены четырёхэтажного дома (современный адрес: пер. Каховского, 10) и два этажа дома по соседству. Автором проекта был архитектор В. Ф. Розинский.

Несмотря на хлопоты Шалита, на его неоднократные обращения к премьер-министру Витте, общество «Новый Петербург» обанкротилось. Недостроенные дома ветшали, местность постепенно заболачивалась. Но вот спустя десять лет об идее постройки города-сада вспомнили снова. В Россию приехал итальянский миллионер Рикардо Гуалино.

Он был человеком эпохи. Современники называли его «рыцарем промышленности с поэтическим уклоном». Восьмой сын средней руки фабриканта из Пьемонта, Рикардо Гуалино после окончания лицея не стал продолжать дело отца, а отправился в «свободное плавание». Юноша получил диплом адвоката, написал и издал книгу стихов, торговал лесом и цементом. К тридцати годам Гуалино стал миллионером. Кроме того, он был известен как знаток античного и восточного искусства, театрал. На своей вилле под Туринном и в замке Монферрато Гуалино собрал богатейшие коллекции. В начале века он заинтересовался перспективным восточноевропейским рынком и создал компанию «Румынский лес». Потом Гуалино приобрел имение Листвин в Волынской губернии, на западе России. Через несколько лет здесь проложили ветку железной дороги, заработало большое лесоперерабатывающее предприятие, были построены школа, больница и дома для рабочих. Видимо, Гуалино полюбил эти края – свою дочь, родившуюся в Турине, он назвал Листвиной.

В начале 1910-х годов, приехав в Петербург, Гуалино узнал, что на одном из островов Петербурга есть обширный участок незастроенной земли. В начале 1911 года эта территория переходит в собственность Гуалино и созданной в Лондоне акционерной компании «St. Petersburg Land and Mortrage Company, LTD». Начинается второй этап строительства города-сада.

⁵ Фёдоров С.Г. «Новый Петербург» – забытая мечта Риккардо Гуалино // Невский архив: ист. – краеведческий сб. Вып. 1. М.; СПб., 1993.

Планировку города поручили разработать одному из виднейших зодчих-представителей неоклассицизма Ивану Фомину. В работе также принял участие мастер северного модерна Фёдор Лидваль (довольно необычный пример сотрудничества архитекторов столь разных направлений). Фомин и Лидваль начали с прогноза стоимости участка. Затем перешли непосредственно к проектированию. Три луча – Железноводская улица, нынешний переулок Каховского и третий, не проложенный, – должны были сходиться на площади, образованной двумя полукруглыми зданиями с мощными колоннами и арками. Сохранился рисунок Фомина, на котором изображена центральная площадь нового города «с птичьего полёта». Со стороны центра въезд в новый город обрамляли как бы «пропилеи» – два здания с галереями-колоннадами, заканчивающимися павильонами с куполами.

В процессе строительства проект был изменён: на месте планировавшихся общественных зданий Фёдор Лидваль возвел по сторонам Железноводской улицы два многоэтажных жилых дома (современный адрес: Железноводская ул., 19 и 34). Эти дома были предназначены для «рабочих классов», поэтому носили более обыденный характер, что, конечно, исказило первоначальный замысел Фомина. А из задуманных им полукруглых зданий на площади успели возвести (да и то не полностью) только одно (современный адрес: пер. Каховского, 2). Кроме того, Фомин достроил дом, начатый ещё при Шалите (пер. Каховского, 10). На скошенных углах здания появились ионические колонны, фасад украсился круглыми медальонами со скульптурными барельефами. Позднее, уже в советское время, здание было надстроено.

Ввод в строй первой очереди «Нового Петербурга» планировался на лето 1914 года. На август была назначена торжественная церемония официального открытия города-сада. Но началась Первая мировая война.

Рикардо Гуалино едва успел уехать на родину, хотя границу Швейцарии и Германии пересёк уже пешком. Он потерял всё своё состояние на русском проекте, его преследовали кредиторы. Но Гуалино обладал твёрдым характером и недюжинной деловой сметкой. Он вложил средства в передовые отрасли промышленности – киноиндустрию и производство химических волокон – и восстановил своё состояние. При Муссолини его арестовали, посадили в тюрьму, затем отправили в ссылку на остров Липари. Но Гуалино и здесь не сдался – написал роман и многотомные мемуары. Вернувшись из ссылки в 1945 году, он снова активно включился в деловую жизнь. Умер миллионер-романтик в 1964 году, на своей вилле около Флоренции, окружённый прекрасной коллекцией картин.

Начиная с лета 1915 года строительные работы на Голодае практически прекратились. Только в 1920-х годах было достроено полукруглое здание на площади. Теперь оно предназначалось под школу, и Фомину пришлось переработать проект, увеличить количество окон, упростить рисунок коринфских капителей. Достроили в 1924 году и дома «для рабочих классов», но тоже не совсем такими, какими задумывал их Лидваль. Фактически только здание в пер. Каховского, 10 является единственной полностью законченной частью фантастического проекта города-сада «Новый Петербург».

* * *

Итак, два гигантских проекта, разделённые двумя столетиями, – каналы Петра Великого и город-сад Рикардо Гуалино – потерпели крах. Видимо, Васильевский остров тщательно оберегал свою обособленность, провинциальность и не желал бежать впереди прогресса или хотя бы шагать с ним в ногу. Количество не осуществленных на острове проектов не исчерпывается каналами и «Новым Петербургом». Вспомним о том, как не стал Васильевский центром новой столицы, как не воплотился в жизнь план «идеального города», разработанный Ж.-Б. Леблонном. Помянем и мещанина Торгованова с его фантастическим по тем временам предложением: прорыть тоннель под Невой, соединив тем самым Васильевский остров с материком. Госу-

дарь император, правда, не одобрил полет мысли изобретателя, повелел выдать ему 200 рублей и обязать впредь упражняться только «в промыслах, состоянию его свойственных». Ближе к нашим временам из-за отсутствия инвесторов канул в небытие проект офисно-делового центра «Башня Петра Великого» в западной части острова. Похоже, что *genius loci*⁶ Васильевского острова до сих пор «держит оборону» и не спешит перестраиваться на новый лад. Хотя новые инвесторы и свежие проекты в изобилии валяются на остров. И не всегда стражу Васильевского удается с ним справиться. Так, несмотря на протесты общественности и специалистов безнадежно испорчен вид с Троицкого моста на Стрелку. «Градостроительные ошибки» (здания новой товарно-фондовой биржи и жилого комплекса «Финансист»), видимо, навсегда не вписались в одну из лучших панорам Петербурга.

Что ж, посмотрим, чем еще будет знаменателен для «Васьки» век XXI-й.

Подземный переход

Извлечения из книги гражданского инженера Н. Г. Кудрявцева «Для домовладельцев города С.-Петербурга» (Типо-Литография Р. Голике, 1889)

«Кто не управлял домом, т. е. не вёл домового хозяйства, тот не может себе представить, сколько разнообразных занятий и какой тяжёлый труд представляет ведение рационального хозяйства по домовладению <...> Обыкновенно домовое хозяйство ведётся самым первобытным способом и все неудачи и убытки приписываются случайности <...> Квартиры сдаются первому встречному без получения предварительных сведений, где наниматель жил раньше, уплатил ли квартирные деньги и в каком состоянии оставил квартиру. Наёмная плата запускается <...> Ремонт строений отдают подрядчику без всякого договора, цена не условливается, а затем окажется, что работа произведена ненадлежащим образом, цены высокие и прочие неудовольствия».

И г-н Кудрявцев, решив помочь бедным домовладельцам, приводит примерные цены на строительные работы: за подшивку потолка под штукатурку рустиком с обложением фриза за квадратную сажень – 50 коп., а то же по-польски – 40 коп.; сложить изразчатую или срединственную печь без камеры – 12 руб., а с камерой – 15 руб.; вынуть старую раму и поставить вместо неё новую на закрепы с остеклением – 40 коп.; исправить форточку – 20 коп; сделать новый подоконник – 1 руб.; окрасить за два раза подоконник охрой – 15 коп.

И так далее, и тому подобное. Кроме того, г-н Кудрявцев даёт домовладельцам ещё несколько ценных советов:

«Вставлять рамы следует в сухую погоду, самое лучшее класть между рамами вату; для экономии вниз можно купить дешёвую, а сверху положить хорошую. Полезно между рамами ставить стакан с серной кислотой не более $\frac{1}{4}$ стакана, так как кислота, поглощая сырость, значительно увеличивается в объёме и может разлиться из стакана».

«Слесарные работы настолько сложны, что никаких правил предложить нельзя, кроме того, чтобы <...> работу сдавать мастеру, лично известному своей добросовестностью и не гнаться за дешёвыми ценами».

Кажется, советы г-на Кудрявцева не потеряли своей актуальности до сих пор. Мы, конечно, не ставим стаканчики с серной кислотой между рамами, но по-прежнему ищем мастера, «лично известного своей добросовестностью», и, хоть и стараемся сэкономить при ремонте квартир, понимаем, что «гнаться за дешёвыми ценами» – себе дороже.

И последняя цитата из полезной книги «Для домовладельцев города С.-Петербурга»: «Всякая яма, вырытая на улице или площади, должна быть засыпана и место замощено и открыто для проезда в 3-х дневный срок; если же этого срока окажется недостаточно, то на продление оно испрашивается разрешение Городской Управы».

⁶ *genius loci* – дух местности (лат.).

Что ж, прыгая через колдобины разрытой вследствие вечного ремонта N-ской улицы (название, думаю, каждый подставит своё) и поминая тихим добрым словом власти предержавшие, вспомним гражданского инженера Кудрявцева, призывавшего к разумному ведению городского хозяйства ещё в далёком 1889 году.

«Апраксин – биржа мелочная...»

Сегодня снова я пойду

Туда на жизнь, на торг, на рынок...

Велимир Хлебников

Театр начинается с вешалки, а город – с рынка.

Это не значит, что каждый приезжий проникает на Невский проспект, к примеру, через Кузнечный рынок. Просто каким бы ни было ядро города – крепость, кремль, монастырь, город начинает жить с момента образования в нём рынка. И Петербург не является исключением. Поэтому, зная точную дату основания города, с твёрдой уверенностью можно сказать: рынок – практически ровесник Петербурга. По свидетельству историка А. Богданова, первый рынок возник на Городском острове (Петроградской стороне), на Троицкой площади. Там же позднее появился и первый мазанковый Гостиный двор.

В расположении рынков, как в зеркале, отражаются рост и развитие города. Рынок внимательно следит за градостроительными идеями «сильных мира сего». Задумал Петр I сделать центром нового города Васильевский остров – рынок моментально перебирается туда.

Но рынок ещё и диктует, «корректирует» замыслы царей и зодчих: неудобно подвозить товары и припасы на острова – и центр города начинает формироваться на материке, игнорируя все блистательные планы именитых зодчих.

И уже из первых описаний Санкт-Петербурга становится понятным, что в молодом городе, казалось бы, стихийно, формируется целый торговый квартал. Позднее Николай Анциферов (правда, не он первый) назовет его «утробой Петербурга». И действительно, на сравнительно небольшом пространстве, которое «омывают мутные воды Фонтанки и Екатерининского канала», располагались и дошедшие до наших дней Гостиный и Апраксин дворы, Никольский и Сенной рынки, и забытые сейчас Горсткин, Александровский и Покровский рынки, и совсем уж экзотические места, вроде Обуховской толкучки.

Апраксин двор. Сейчас мы не разделяем его на два рынка – непосредственно Апраксин и Щукин дворы. Долгое время они мирно сосуществовали, каждый имел свою собственную «физиономию» и принадлежал разным хозяевам.

Щукин двор возник в екатерининскую эпоху, когда купец Иван Щукин приобрёл усадьбу графа Чернышёва для «личного жилья» и торговых нужд. На Щукином дворе торговали всем – одеждой, зеркалами, картинами, съестными припасами, в том числе ягодами и грибами. Особенно славились щукинские фруктовые ряды. (Обычай торговать «рядами» – очень старый, существовавший ещё в Древней Руси. Каждый ряд, как правило, имел свою специфику – там, где продавали овощи, не водилось мясных лавок, а сурожский товар никогда не перемешивался с холщовым.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.